И.Н. Пальмов

Волчонок для Авеля

18+

Иван Николаевич Пальмов
Волчонок для Авеля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44907540
SelfPub; 2019

Аннотация

Природа всякого существа обоснована. Всякий рожденный волком должен быть волк, всякий из людей должен оставаться человеком. Природа наказывает тех кто противится ей, хоть в некоторых случаях это и впрямь интересно. Что же может получится из льва, козы и змеи? Нечто, что уже назвали химерой. Так и для всякого существа найдется имя, но не всякому дано место. Эта книга о волке и человеке.

Его маленьким волчонком забрал человек. Звучит так, будто это такой способ забирать. Забрать как? Маленьким волчонком. Эта история не такая уж и смешная как смешон любой маленький песик или существо человеческого типа. Мне очень кажется что псы и собаки существа очень человеческие. Не в смысле, что они принадлежат людям, а что они сами ничуть не менее люди. И все же разница есть, дело одно, когда ты всего лишь мило похож или когда насильно упрятан в чужую шкуру. А почему люди так часто упоминают свою шкуру, которой, в сущности, не имеют? У них ведь кожа, волос почти нет. Да разве это ворс? Пушок нелепый и только. А у меня мех настоящий цельный и прочесать не прочешешь. У кого? Верно, верно, начал вон куда, а тут уже не понятно что. Я себя тогда практически не помнил, говорят детская амнезия, видно и волков она стороной не обходит. Рассказали. Да, рассказали однажды как один дотошный дед, решил взять на воспитание ребенка не человеческой природы. То был я – маленький волк.

С дедом тем жил мальчишка. Наверное, внук, у них это так зовется. Петруша – так его звал всегда дед, Петрушей он и был. Этот мальчик и попросил у деда зверюшку. Ну так попросил бы зайку или белку какую, нет, волка ему подавай. Дед и подал волка, самого настоящего, но только маленького. Мальчик подрос, подрос и я. И до того момента мы здорово играли, как однажды у него появились друзья. Играл и с ними и не стыжусь, все хорошо было. Но внуки растут,

меняются нравы, и что любопытно первым с кем он поссорился, были его друзья, а не я. Грешно вспоминать, но тогда я обрадовался. Как здорово, что все теперь как раньше, но, увы, здорово должно быть как сейчас. Ведь раньше это время, а время иной раз меняет хлеще всяческих обстоятельств. Да, парень подрос, и я уж был не щеночек. Ему вдруг взбрело выдумать из меня друга, причем человеческого. Зачем же ему человеческий, когда был шерстяной? Не важно, теперь уж точно нет. Дед ему ляпнул про оборотней, что мол бывают такие псы что и не псы, волки что другой засолки. Вон как. Парень смекнул, что дед ему дело говорит и принялся дело то учить. Он в школе столько не зубрил, да что уж там, дед был человек набожный и всяко учил паренька по божественным книгам. Как их бишь? Кроме того, всякие сказки рассказывал и всячески просвещал паренька. Он парень то был не дурак, да и не плохой вовсе. Да вот только завязался на этом обороте волков в прямоходящие. Своего он вскоре добился и ту луну я уже не помню, но она оказалась для меня последней из тех, что забыл. Я будто и в самом деле стал ему братом по крови. Ну, по их человечей. Дед воспринял это как дар божий, потому как иначе воспринимать опыты внука ему было страшно. Ему верно и самому стало страшновато в какой-то момент. Но прежде было много чего. Мы учились вместе. Правда в школу он все же ходил один, но дома я разучил оба завета и более всего почему-то уперся в пятой главе бытия. Мы очень долго спорили о том, кто прав

в споре двух братьев. По правде говоря, там и спора то не было, но у нас он был. Мне всегда было жаль Каина, несмотря на то, что все кругом в один голос утверждают, что жертвой здесь может быть только Авель. А ведь если так посмотреть и задаться вопросом, почему Авель пастух, а Каин земледелец? Да им так велел Бог, и именно свой промысел пастыря он отвел Авелю. Каин же вроде как смертный простой, что вынужден землю обрабатывать и с трудом из нее пищу получать. Как Адам, вот же. Потом начались подношения. Кто первый? Каин. Причем никто ведь не говорил Авелю, что он должен тоже принести что-то. Это ведь не школьный утренник, где одному мама положила мармеладки, а другого баранки, в итоге все призрели на дары первого. Нет, принес один баранки и все бы на том кончилось. Но нет, и тот спохватился. Его дар понравился и как же было Каину после того не взроптать на несправедливость. Взроптал как мог – убил братца. Причем потому как он первый, мог и не знать, что он такое делает. Может, думал, дай стукну просто и не знал что так убить можно.

Со временем мы подросли сильнее, а дед почил, как был уж слишком стар. Если раньше на ужин у нас была едва не каждый день свежая дичь, то теперь без деда охотиться стало некому. Мне стало уж больно трудно. Да, ведь я не всеядный и тогда им не был, будучи человеком. Внук то пытался охотиться сам, но все без толку. Может опыта мало. У меня к слову тоже выходило плохо, даром, что бывший волк. Тогда

я видимо надоел Петруше и тот решил вернуть все обратно. Он провел свой дьявольский обряд и, превративши снова в волка, выпустил на волю. А вот только я все еще не волк. Да на мне густая серая шерсть, я хожу на четырех лапах, и голова моя крутится совсем чуть-чуть, но я все еще помню. Я все еще думаю, рассуждаю и не знаю теперь, как мне отделаться от человеческих дум. Мне страшно поймать зайца, догнать косулю, как мне убить то их теперь, когда они такие, как и я. А ведь я читал библию. Вон их, сколько ближних этих кругом. По правде говоря, мало и может, будь больше, я бы все же решился, но сейчас точно не могу. А у Петруши стало получаться. Он бьет их метко, бывает даже в глаз. Я приходил к нему и верно он узнал меня, но прогнал. Думаю, если б не узнал, пальнул бы. А так палкой только треснул.

Вплоть до этой луны я мучился, но не от нее самой. Это всего лишь голод разжигал во мне хищные чувства. Сегодня в лесу был охотник и в такие моменты все бегут, а я того больше других. Но сегодня был тот охотник, которого я все ждал. Мы столкнулись у высокой ели. Я стал ждать. Чего он сделает, как поступит? А он боится, я вижу что ему страшно меня. Он целит мне ружьем в морду, руки дрожат. Не уж то ты не признал? И ведь не признал, теперь я на это даже надеюсь. Потому как тогда он только дергал курок и давно б застрелил меня, но все забывал снять предохранитель. Теперь уж не ясно, чего он там думал и ясно не будет. Я его съел.

Я все еще рассуждаю о Каине. Что если Бог сам выдумал

все от начала и до конца? Что если убийство Каина было только затем чтоб наказать Авеля, пустившего скотину на убой ради жертвы. Может от того и печать на лбу Каина была. Может и так, но тогда никто не должен знать. Иначе убийство будет оправдано, и это снова будет неправдой, потому как грех нельзя зачеркнуть. Наказание не может исправить вину, только тем, что отнимет у одного, потому как невозможно прибавить другому. Мертвый убит, а виновный виновен. Петруша не вернул в лес волчонка, но и тот волк, что вырос, теперь заслуживает пули. На мне печати нет.